

Администрация Кичменгско-Городецкого муниципального района
Кичменгско-Городецкий краеведческий музей

Кичменгский край

Материалы Глубоковских чтений

Выпуск 2

1449988

Кичменгский Городок

2012

НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА В НИКОЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Суеверие проходит с успехами цивилизации.

В.Г.Белинский

В Никольске больные впервые были пролечены врачом в далеком 1890 году. Сохранилось и здание, где они были пролечены. Здание крепкое, но записано под снос. Так забывается прошедшее время. Вот если бы вернуть в здание земской больницы историю медицинского лечения жителей уезда, и показать все усилия советской власти в борьбе за здоровье людей...

Сохранились сообщения из Никольского уезда, присланные князю Вячеславу Николаевичу Тенищеву в середине XIX века. Не удалось выяснить, кто конкретно писал ему из Никольска, Кичменьги, Вохмы и других мест. А писали ему из 23-х губерний сельские священники, учителя, землевладельцы, земские начальники, фельдшера. Князь потратил на оплату переписки 200 тысяч рублей. Вообще России в XIX веке сильно повезло на людей, которые по велению души и сердца, за свои деньги, провели исследование жизненного уклада и повседневной жизни русского народа: Терещенко, Даль, Сахаров, Киреевский... Люди видели грядущие перемены, исходящие из глубины веков. Они спешили описать «Русь уходящую».

Сегодня мы видим полное безразличие к умирающей деревне со стороны большинства проживающих в городах. По другому и быть не может. Чудес на свете не бывает. Разве что в религии: там без чудес нельзя. И, если найдется современный Тенищев, то ему напишут о том, что в России ежедневно вымирают две деревни и медленно пустеют малые города.

Суровые условия деревенской действительности – пишут корреспонденты князя Тенищева – еще ребенком обрекают нашего крестьянина на существование, при котором выживают только сильнейшие и гибнет почти половина детей деревни, едва дожив до пятилетнего возраста. Прежде всего, из-за материальных условий быта деревни и при духовной бедности народа, из-за скудности рациональной мысли и знаний о здоровье и еде.

«Его надо захлебить, закрепить», – толковали про только что родившегося ребенка и, прежде чем дать грудь матери, совали ему в рот хлебную соску, а нередко, впоследствии, сосок от коровьего вымени.

«Небось, не помрет, жив будет», – мирились с этим крестьяне. Такое смирение оборачивалось детской смертностью на первом же году жизни у третьей части детей в деревне. При этом отмечено, что среди башкир, татар, вотяков и евреев кормление подобными сосками было под запретом. До двух лет считалось обязательным кормление малыша грудью матери. Смертность детей в инородческих деревнях была ниже в 2-3 раза, чем в русских, при абсолютно равных условиях проживания. Не в последнюю очередь в этом сказывалась религиозность русского крестьянина с его глубокой верой в Бога, равно как и в черта, и в лешего. А в диалоге и общении с ними крестьянин искал причины болезней.

Когда ребенок сильно и долго кричит – это в него вселилась «крикса», а если он беспокоится и не спит по ночам – значит, к нему пристала «полуношница» или «полуношник». При криксе ворожея (знахарка) брала блюдо с водой, шейный крест и два угля ломала и опускала на блюдо с водой. После этого погружала туда крестик и этой водой опрыскивала ребенка. Для лечения полуношницы клали в люльку к мальчику игрушечный лучек (предмет наподобие смычка от скрипки, которым бьют шерсть), а девочке маленькую прялку, с наговором: «Вот тебе, полуношница-щебетунья, дело и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы». Полуношника отгоняли в бане. Мать ребенка стояла в предбаннике, а знахарка с ребенком входила в баню, и начинала парить его, приговаривая:

– Парю, парю...

– Кого ты паришь? – спрашивала из-за двери мать.

– Полуношника, – отвечала баба.

– Парь его горазже, чтобы прочь отошел, да век не пришел.

Существовало множество других болезней, таких, как родничок, прозываемый «тихонький», лихорадка, пьянство, затворение крови у женщин, отъем молока из груди, глухота, куриная слепота, тоска, паралич, падучая болезнь, половое бессилие и др. Происхождение болезней люди связывали с ненавистью к заболевшему по просьбе других, за деньги, а то и из любви к такому искусству со стороны некоторых злобных от природы людей.

Сделается у кого-нибудь лихорадка, заболит голова или занает нога – значит, этого больного «взяли уроки», или его кто-нибудь «обучил». Лечили в Никольском уезде от обурочивания довольно своеобразно – целебной водой. Чтобы получить целебную воду, черпали ее бураком не против, а вниз по течению реки. Зачерпнув и придерживая края бурака руками, знахарь наклонялся над ним и читал мо-

литу. Наговоренной водой поил и умывал больного, спускал «капелек десяток за пазуху, на сердце», а затем велел несколько соснуть.

Подобно тому, как врач вначале определяет болезнь у больного, так и знахарь начинал дело с того, что производил осмотр и ставил свой знахарский диагноз. Если при произношении заговора знахарь сильно зевал – значит, у больного «большие уроки». Если он зевал пять раз – значит, обурочила баба, а если больше – мужчина. Для определения характера болезни знахари в уезде гадали, всматриваясь в воду или зеркало, топили воск, раскидывали карты и т.п. При этом гадании знахари оказывали воздействие на психику больного, и чем сильнее и таинственнее вел себя народный лекарь, тем больше крестьянин воспринимал его наравне с богослужением. Считаясь с духом больного, знахарь давал успокоение, вселял надежду на исцеление. Для сравнения: знахарь-лекарь в Западной Европе применял чудовищные методы в виде кровопускания, к ранам прикладывали каленое железо, обливали кипящей смолой. Кровопускание, или, по-народному, метание руды, на Русский Север было завезено еще до XVII века западноевропейскими моряками через Архангельск. Применялся метод без понимания его вреда.

Народное понимание болезней допускало возможность заболеть «с ветру», путем «насада» и др. Освобождение от подобных болезней в Никольском уезде видели в передаче их неодушевленному предмету. Воспаление суставов («скрипун») знахарь передавал притвору дверей. Для этого защемляли больному кисть руки в притвор двери или ворот, произнося при этом три раза: «Притвор, ты притвор, возьми свой скрипун», и тут же мыли больному руки мылом с приговором: «Как у мертвого мертвеца ничего не болит, не щемит, не слышно ни тоски, ни болезни, так и у раба Божия (такого-то) ничего не болело, ни щемило, и не слышал бы он ни тоски, ни болезни».

Молитвы, заговоры и соединенные с ними приемы суеверия составляли далеко не единственные средства, которыми пользовались знахари при лечении болезней. Наравне с профессиональными знахарями появляется множество народных врачей-лечителей из коновалов, кузнецов, пастухов, мельников, отставных солдат, служивших около лазаретов; а также «бродячая Русь» – странники и странницы, которые, придя на ночевку в деревню, рассыпали врачебные советы направо и налево. Появились также особые «правильщики» и «правильщицы». Они направляли пуп, который был сорван тяжелой работой.

Как поступала такая знахарка в Никольском уезде? Она ложила больного на лавку, намазывала ему живот гущей, брала горшок, зажи-

гала пучок льна и бросала в горшок, быстро опрокидывая его затем на живот больному. Эта операция была настолько болезненна и мучительна, что больной требовал немедленно его снять, но часто это было невозможно, и горшок разбивали.

При организации земской медицины, земским врачам в начале своей деятельности предстояло победить весь ужас народа перед больницей. Только по приезду врача народ узнавал о повальных в округе болезнях, и начинал понимать, что по пустякам доктора не ездят. Зная от доктора, что в избе лежит, например, больной оспой, корью или зудихой (чесоткой), чтобы избежать заразы, крестьянин, входя в дом, смотрел первым делом под матицу, а при выходе из избы, чтобы не унести с собой болезнь, порог не перешагивал, а вставал на него.

«В прошлом году, — пишет князю Тенишеву госпожа С. — обгорела в нашем селе женщина. Загорелась пенька, положенная на печь для просушки. Испуганная хозяйка стала ее тушить, приминая руками, и на ней вспыхнула юбка и рубашка. У несчастной бабы была обожжена вся спина, с затылка до колен, верхняя часть рук, ладони и грудь. Четверо детей также получили сильные ожоги на руках и лице. На другой день приходит ко мне соседка и говорит, что ко мне приезжал фершал, пообрезал на Матрене всю шкуру-то. Что шмотами моталась, помазал ее снадобьем, перевязал и велел так-то кажинный день перевязывать. По утрам и на ночь. Ну, вестимо дело, он-то ей чужд да и обязан это делать, а без ево кому ж тем заняться, кто ж к такой боести приступится.

— Значит, сегодня ее и не перевязывали?

— Вестимо, что нет, на перевязку-то тряпки нужны, а где их взять?

Трудно представить, что я увидела в избе Матрены, придя со своим полотном, чтобы ее перевязать. Изба черная от копоти без трубы. Два крошечных окна с разбитыми стеклами заткнуты тряпками. В избе темно и удушливый спертый воздух. Печка топилась, и дым выходил в полуотворенную дверь, сверху и снизу несло в избу пронизывающим холодом. Кроме обожженных трех дочерей 4-х и 11-ти лет, против печки на веревке моталась зыбка с 8-месячной девочкой. На нее упала висевшая над ней и загоревшаяся тряпка и обожгла ребенка. Все стонали и охали. Сама Матрена второй день стояла на локтях и коленях. Перед тем, как перевязать детей, пришлось их волосы остричь. Оказалось, что их головы, даже брови были покрыты вшами, сидевшими в них сплошными гнездами, да и не только головы, но и каждая складка рубах, каждый изгиб тела кишел этими насекомыми.

– И, сударыня, да как же их тут чистыми держать? – говорила старшая дочь, – окромя двух маленьких горшков, и посуды-то нет.

Кроме постоянной темноты и копоти, изба кишит клопами, тараканами, а летом еще и мухами в огромном количестве. Под печкой живут куры, под лавкой две овцы с ягнятами. Под полатами свиньи; все это тут пьет, ест и испражняется на земляной пол, покрытый гнилой соломой, под которой, при каждом шаге, хлябает вонючая жидкость». Комментарии, как говорится, излишни.

Если брать роль верховной власти в просвещении народа медицинской, то ее тогда не было вообще. Домашняя медицина русских людей состояла из суеверий и суеверных средств. Единственным культурным источником, будем так называть, было христианство. Но и оно не могло формировать у народа санитарно-гигиенический характер. Например, в Евангелии от Марка можно прочесть следующее: «И, увидев некоторых учеников Его, евших хлеб нечистыми руками, укоряли. Ибо фарисеи и все иудеи, держась предания старцев, не едят, не умыв тщательно рук; и придя с торгова, не едят не умывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей». Далее иудеи снова спросили Христа о том, почему его ученики едят хлеб немытыми руками. Он же на прямой вопрос ушел от ответа. Этот пример объясняет, почему даже в кельях не было рукомойников. Тысячу лет на Руси жили по принципу: если Христос не делал, то и нам нельзя.

Но, как говорится, «без воды ни туды и ни сюды». Описанные выше болезни «обурочивания» в уезде лечили водой, и вообще воду жители Никольского уезда почитали как предупреждающее средство от многих болезней. Для предупреждения надо было подготовить воду, «перенять» ее трижды в бане. Для этой цели взятая в ковш вода выливалась на каменку и снизу тут же подхватывалась в ковш. Этой водой окачивались и пили. При этом обязательно приговаривали: «Как на каменке на матушке, подсыхает и подгорает, так и на рабе Божьем (таком-то) подсыхает и подгорает (такая-то болезнь). Отпугивали болезни еще более суеверным средством, производя «прикусывание». Например при «ноговице» три раза кусали больной палец, произнося слова: «Не тебя я, палец, кусаю, а злую-презлую ноговицу, чтобы не было ее никогда». Старались жители уезда передать болезнь другому человеку или животному. При сыпях намазывали себя сметаной и давали слизывать ее собаке, считая, что болезнь через это перейдет собаке.

Суеверия поражают своей живучестью, почти первобытной нетронутостью, богатством воображения и фантазии. Из Никольского уезда в бюро князя Тенишева было прислано около десяти заговоров, например: «Встану я, раб Божий (имя), благословясь, перекрестясь, и попрошу Ивана – Отсечения честныя головы: как у него, когда палачи отрубали святую голову, не было ни крови, ни руды, так бы и у этого раба (имя) кровь унялась и не слышал бы он ни тоски, ни болезни».

Отмечено необычное религиозное невежество даже в конце XIX века. Кадильный пепел стал служить средством особого рода мести. Желая «насолить» начавшей гулять девушке, подсыпали ей пепел в какое-нибудь питье, и она будто бы неизбежно делается беременной. Особенно верно действует пепел, поданный в водке. Пеплом в водке из церковного кадила поили также пьяниц и больных лихорадкой. При лечении сифилиса в глухую ночь обходили девять бань и, из каждой принеся по венику, парились. Затем эти веники сжигали, и из получившейся золы варили щелок, им мыли и поили больного. Если подобный способ не помогал, варили подвиг костей (подвиг – кости от всех четырех ног животного) лошадиных, коровьих, собачьих и др., в этот отвар садился больной и обкладывался сухим конским навозом. Далее никольский корреспондент описывает вообще уже необъяснимые никаким здравым смыслом способы лечения экскрементами людей и животных. Промывали при куриной слепоте глаза детской мочой. При бельмах глаза присыпали сушеным человеческим калом, просеянным через сито. При лихорадке сначала обмывали у черной коровы зад, да так, чтобы этого никто не видел, и собранную воду выпивали натошак. Всего отвратительного и не перечислишь. Насколько народ был суеверен и зависел от опыта, приобретаемого при лечении, показывает такой пример: врач предписал «принимать порошки в воде» – мужик понимал буквально и залезал для приема в воду.

Дети составляют благословение Божие и выражают собою присутствие Святого Духа в семье, они ее опора и счастье – таким был преобладающий взгляд народа на детей. Цель жизни родителей – трудиться для детей, как своих преемников. Из Никольского уезда сообщения о детях несколько отличались от сообщений из других мест. «Смотри, рожай парня, а не девку», – шутиливо наказывал муж своей в первый раз беременной жене, и если баба приносила девочку, муж не мог ее видеть на первых порах. Народ в своих взглядах порицал плодovitость бедных семей: «Вот, жрать нечего самим, а она, как кошка, плодит». Но и совершенное бесплодие рассматривалось как несчастье семьи не только богатой, но и бедной. Оно в глазах народа являлось

Божьим гневом и карой за грехи мужа и жены или их отцов, и оттого-то богомолье и обеты считались такими могущественными средствами против бесплодия. Другой крайностью и сверхнаивностью жителей уезда было предотвращение беременности. Новобрачные избегали беременности тем, что будто ненарочно гасили свечи во время венчания в церкви, со словами: «Огня нет – и детей нет».

Положение беременной женщины в семье полностью зависело от понимания членов большого семейства, от степени достатка, количества рабочих рук, личных качеств самой беременной и других условий, из которых была сложена деревенская жизнь. Беременную могли сглазить, испортить, оговорить, а сами роды будут тем мучительнее и труднее, чем больше народа будет знать о них. Убеждение в необходимости держать в секрете момент наступления родов заставлял искать тайное даже от родных мест. Причиной этого вреднейшего предрассудка было то, что женщина после родов считалась нечистой. Чувствуя приближение родов, баба выгоняла из дому недогадливых мужиков или тайно уходила в баню, залезала в печь, рожала в хлеву.

«Пошла она, – рассказывает про невестку свекровь, – корму коровам задать. Только что-то долго нет бабы, думаю, к соседям ушла, поколотырить-то тоже любит. Жду, жду – нет. Вечер пришел, надо опять коровам корму давать, пошла сама, пришла в хлев, а она, как мертвая, на навозе у загородки лежит, а корова ребеночка-то уж остатки долизывает, почесть, всего вылизала».

Но не во всех семьях рожали подобным образом. В семьях сильно богобоязненных и религиозных, к тому же имевших сравнительный достаток и лучшее жилье, заблаговременно, за сутки или больше до родов, с беременной снимали всю одежду, кроме рубашки, снимали крест. С распущенными волосами беременная начинала ходить взад и вперед через пороги из одной комнаты в другую, из избы в сени, из сеней в избу и так чуть не до самих родов: как свободно женщина расхаживает, так же свободно выйдет из нее ребенок. В деревне рожали далеко не всегда в лежачем положении, а нередко стоя. Чтобы ребенок не «застоялся» и чтобы «расходились» все жилы роженицы и все ее члены», считалось полезным роженице самой или с помощью ходить между схватками. Продолжалось так до тех пор, пока не показывался ребенок.

После родов не только роженица, но и члены ее семьи считались нечистыми до тех пор, пока священник не совершит над родившей женщиной очистительной молитвы. До «банной» молитвы родившая не могла пить крещенскую или освященную воду, доить коров, дотра-

гиваться до хлеба и ходить в амбар, где хранился зерновой и молотый хлеб. В Никольском уезде считалось, что будет очень полезным для рожавшей жены, если ее муж разденется догола, встанет у изголовья и, вытянув шею над женой, будет кричать и стонать вместе с нею. Пуповину у ребенка, если девочка, отрезали ножом на гребне, чтобы девочка могла лучше пряться, а у мальчика – обрезали на топоре, чтобы он мог в будущем хорошо им владеть. Перевязывали пуповину суровой нитью или прядью льна, чаще свитого загодя вместе с волосами матери, чтобы дитя и мать не смогли расстаться. Желая, чтобы у ребенка не было грыжи, зарывали послед под подвальным бревном.

Уверовав в заговор, что если больной хотя бы немножко поест хлеба с солью, то не умрет, по окончании родов непременно давали родившей ломоть ржаного хлеба, посыпанного солью. Но прежде, чем его дать, жители Никольского уезда с этим ломтем предварительно лезли в подполье, обходили все углы и призывали домового, приговаривая: «Соседушко, батюшко, идикося за мной». В зажиточных домах родившая получала усиленное питание, часто все без разбора.

Самым первым и неотложным делом после окончания родов и всех процедур, с ними связанных, полагалось сводить и выпарить родившую в бане или в печи. Протапливали баню до трех раз, меньше считали за проявление нелюбви к родившей ребенка. Первую баню в Никольском уезде протапливали вместе с тележной осью в уверенности, что жена скорее поправится после родов.

На реке Ветлуге прославились лечением людей мощи преподобного Варнавы. Многочисленные списки о вылеченных позволяют представить сегодня, чем болели в XVII веке. Так сказать, портрет больного: труды же имел весьма тяжкие, мало давал себе в дни и ночи покоя, и от того труда заболела голова, ослеп и оглох. Другой страдал лютою болезнью, ходил скорчен и не мог преклониться, из-за чего семья ходила по миру, прося подаяние Христа ради, но люди не давали, зная о болезни. Еще пример из десятка: приключилась ему судьбами праведного Бога болезнь весьма горькая, все внутренности его люто болели 13 лет. Терпя благодарно, не призывал больной к себе ни волхвов, ни бесовских слуг-шепотников, ни чародеев, ибо мерзко от них исцеление. Представленные примеры показывают, что мощи Варнавы лечили людей, изломанных непосильным крестьянским трудом. Но на самом ли деле вылечивали?

Описан всего один способ лечения в церкви при всех болезнях. После завершения молебного пения священники поили больного освященною водою, и в тот же час исцелялась скорбь его, и начинали

больные слышать, видеть, ходить и т.д. И это единственный метод, на который были способны церковные лекари. Но, тем не менее, церковь методично устраняла из быта людей другие виды лечения. У замечательного историка XIX века Ивана Егоровича Забелина находим любопытную информацию. В имении Якушкина в Ярославской губернии лежал камень в лесу с крестом, выточенным на нем. Он стал исцелять. Крестьяне приносили больных, клали на камень, те выздоравливали. Архиерей велел разбить камень: не позволено языческому камню лечить людей. Лечение под силу только мощам и иконам.

«Приняв чужого для себя Бога, – пишет Забелин, – русские стали всего бояться. Страх жизни, суеверие господствует потому, что вся окружающая и своя домашняя жизнь полна страха и от небесных явлений, и от властных и сильных людей. Кто и что останавливает науку? – спрашивал историк, – Вера, как кошмар, давит все. В самом деле, проще разбить камни, чем искать причины болезней, заставляющие людей обращаться за излечением к природе, к ее камням и родникам. Проще забрать деньги у народа и построить храм, чем на эти деньги развивать науки, в том числе и медицинские. Проще присвоить себе право славить слова Христа, чем дать свободу самим познавать Его слова...»

Собирая материал для этой публикации, я обнаружил, что многие суеверия благополучно пережили успехи советской медицины, живы сегодня и будут жить дальше. Возникли они не на пустом месте. Русский народ верил не только в христианские святыни, но сохранил также колдунов, знахарей и других врачевателей. И удовлетворительное лечение получалось в том случае, когда церковное и языческое совпадало: например, при избавлении от душевных расстройств.